



Точка зрения

**Даниил
ГРАНИН:**

В ЛЮДЯХ ЦЕНЮ НЕПОВТОРИМОСТЬ



Прозаик и публицист Даниил Александрович Гранин только что возвратился из ГДР, где ему была вручена литературная премия имени Генриха Гейне. На серебрястой меда-

ли лауреата — барельеф знаменитого немецкого поэта и его слова: «Я — меч, я — пламя». Гранин — первый из советских литераторов, удостоенный этой награды.

— Итак, Даниил Александрович, на торжественном заседании в Берлинской опере вам вручена премия Гейне...

— Мне она очень дорога. Творчество Генриха Гейне, особенно его художественно-публицистическая проза, всегда было мне необычайно интересно. Его проза естественна, полна юмора, сатиры, она — явление неповторимое. Известно, что Гейне был одним из самых популярных в России писателей и поэтов, его высоко ценили известные русские литераторы и деятели культуры от Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета, Белинского, Чернышевского до Блока и Тьянова. Гейне был одним из тех, кто прокладывал дорогу к взаимопониманию народов. Это и сегодня одна из самых важных и актуальных проблем искусства — искать пути к взаимопониманию людей. Именно об этом я и говорил, когда получал в Берлине премию имени Гейне. Вспоминал, каким нелегким оказался мой жизненный путь — от промерзших окопов на Ленинградском фронте, где мы защищали от фашистских варваров город Ленина, до берлинской кафедры, когда меня чествовали как писателя в свободной, идущей по пути социализма Германской Демократической Республике. За эти четыре десятилетия мне повстречались люди, которых я вспоминаю с благодарностью, — это и Анна Зегерс, и Конрад Вольф, и многие из ныне здравствующих деятелей культуры ГДР.

Процедура вручения премии мне совсем привычна. Оркестр сыграл квартет Гайдна, а затем со словом о моей работе выступил предшествующий лауреат — немецкий прозаик, публицист Джон Эртенбек. Счастливым стечением обстоятельств для него и для меня оказалось то, что Эртенбек по профессии физик. Возникло, так сказать, взаимопонимание и по линии писательской, и по линии интереса к точным наукам.

— Чем еще знаменателен для вас минувший год? Что было радостного, а возможно, и трудного?

— Завершена работа над повестью «Еще заметен след», которая выйдет в первом за 1984 год номере журнала «Но-

вый мир». Это повесть о любви, о войне, о нынешних днях, она как бы прорвалась сквозь заботы и хлопоты о романе, который я пишу в последнее время. В основе повести — судьба женщины. Я все время ощущаю потребность осмыслить «свою войну», ту, что прошел на фронтовых дорогах с июля 41-го и о которой написал пока очень мало. И вот история, происшедшая на Ленинградском фронте и случайно ставшая мне недавно известной, оказалась связанной с моей военной биографией. Она меня так захватила, что пришлось прервать работу над романом.

В целом год был рабочим, насыщенный. Много забот было связано с изданием «Блокадной книги», переводом ее на другие языки.

— Читатели всегда требуют ваши романы «Искатели», «Иду на грозу», другие ваши книги, в центре которых судьбы ученых, проблемы научно-технического творчества. И они, конечно же, ждут продолжения этой темы...

— В 60-е годы я наделял своих героев восторженностью, романтичностью. Сейчас у меня более спокойный и трезвый взгляд на ученого, на его деятельность. Я лучше понял Толстого и Чехова: для них характерен именно трезвый, даже критический взгляд на успехи естественных и других наук. Это мне представляется разумным, правильным и полезным для литератора. Окружая романтическим ореолом литературного героя тех лет, мы не всегда оценивали роль духовных ценностей, гуманитарных наук, наконец, искусства в воспитании личности ученого. Сейчас, думая о роли науки и ученого в современном обществе, мне интереснее в литературном произведении встретить характер ученого, который работает в большом исследовательском коллективе. Характер, а не этакого сверхпроницательного физика, которого мы привыкли видеть в кино, на сцене, в литературе 70-х годов. Уверен: современный ученый нуждается в более широком и деловом изображении. Ведь именно науке приходится сегодня решать очень важные и сложные проблемы — такие, скажем, как экологические. Поучительнее в этом смысле обращаться к об-

разам рядовых тружеников науки, повседневным заботам лабораторий, институтов.

— Не связана ли такая писательская «переоценка» ценностей с узкой специализацией нынешних исследователей, с тем, что порой мешает им широко взглянуть на жизнь, ее крутые проблемы?

— Вероятно, некоторые нравственные «болезни» происходят от узкой специализации. Узкая тема иногда может породить и узость взглядов на жизнь, и узость мышления. Мне кажется, что эпоха энциклопедически развитых умов, таких, как Леонардо да Винчи или Михаил Ломоносов, вновь подступает и они вполне доступны писательскому наблюдению.

— Снятие романтического ореола, изображение будней в жизни ученых — не внесет ли это скуку в повествование? Не облекнет ли личность героя?

— Мы смотрим одни и те же передачи по телевидению, живем в одинаковых домах, подчинены синхронным жизненным ритмам. Утверждение личности, рождение характера происходят в преодолении этих стандартов. Мне интересно отображать движение личности именно в повседневных жизненных заботах. В людях дороги их неповторимая индивидуальность, непохожесть, нестертость. Считаю, что и читателю познакомиться с такими людьми будет не скучно...

— Обычный «новогодний» вопрос. Что нужно человеку для счастья?

— Каждому, видимо, свое. Народ очень верно говорит в своих тостях: прежде всего человеку нужно здоровье. Я всегда с удовольствием смотрю на людей, которые бегают, занимаются спортом, посещают стадионы. Видимо, они переживают немало счастливых мгновений. Для счастья необходима любовь — к жизни, детям, к своей стране, без этого нет полноценного существования. Я уже не говорю о любви к работе, делу, которому служишь, — это область особая.

— Вот вы сказали о здоровье. В последние годы увлекаются голодной диетой, психотренингом, дыхательной гимнастикой, бегом трусцой, прислушиваются к разным, часто про-

тивоположным рекомендациям. Как вы к этому относитесь?

— Я вижу в этом одно из проявлений массового интереса к науке, научному познанию возможностей собственного организма. Думаю, не нужно бояться такого бума, не нужно действовать окриком. Нетерпимость не приведет к хорошим результатам. Ведь есть области, где пока и наука еще не сказала своего последнего слова. Важно то, что в своем естественном развитии научное познание все же скажет это слово, отметет заблуждения, восстановит истину, потеснит попятную в таких случаях фантастику.

— Кстати, не собираетесь ли вы что-нибудь написать в жанре научной фантастики?

— Это интереснейший жанр художественной литературы, заслуженно имеющий устойчивого массового читателя. Видимо, в таких произведениях читатель получает для себя возможность проникнуть в сферу неизвестного, непознанного, получить важные ответы хотя бы в предполагаемой форме. Научная фантастика окрыляет воображение. У нас есть хорошие писатели-фантасты, в частности, братья Стругацкие. Когда-то я пытался писать в этом жанре, написал даже научно-фантастический рассказ. Фантастика нужна читателю любого возраста: она расширяет его миропонимание, предствления о возможностях чело веческого общества. В научных фантастических произведениях можно еще острее выявить политические проблемы сегодняшнего мира, абсурдность и бредовость идеи ядерной войны. Именно поэтому мне хочется вернуться — написать научно-фантастический рассказ или повесть.

— Чего вы ожидаете от наступившего года, какими творческими заботами он будет заполнен?

— Продолжу работу над романом «Учитель истории». Не люблю заранее рассказывать о произведении, которое еще не написано, скажу только, что в романе отразятся многие исторические события в жизни нашей страны. А еще режиссер Булат Мансуров будет снимать телефильм, в основу которого положен мой роман «Картина».

Чего жду от наступившего года? Мирной жизни на планете для всех.

Беседу вел
С. КРАЮХИН.